

Министерство образования и науки России
Южный федеральный университет
Северо-Кавказский научный центр высшей школы
Институт истории и международных отношений
Донская государственная публичная библиотека

**НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА А.П. ПРОИШТЕЙНА
И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ
НАУКИ (К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ
РОССИЙСКОГО УЧЕНОГО)**

Материалы Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции
(г. Ростов-на-Дону, 4–5 апреля 2014 г.)

Ростов-на-Дону

2014

УДК: 930.1 (091)

ББК 63.1

А 437

Редакционная коллегия:

Сень Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения (ответственный редактор);

Трапш Николай Алексеевич, кандидат исторических наук, руководитель научно-исследовательской лаборатории СКНЦ ВШ ЮФУ (ответственный редактор);

Мининков Николай Александрович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой специальных исторических дисциплин и документоведения ЮФУ;

Данилевский Игорь Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории идей и методологии исторической науки НИУ ВШЭ;

Черноус Виктор Владимирович, кандидат политических наук, заместитель директора ИППК ЮФУ по научно-методической работе.

А437 Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 4–5 апреля 2014 г.) / Отв. ред. М.Д. Розин, Д.В. Сень, Н.А. Трапш. – Ростов-на-Дону: Издательство «Фонд науки и образования», 2014. – 624 с.
ISBN 978-5-9906245-0-4

В сборнике представлены материалы научной конференции, состоявшейся в г. Ростове-на-Дону 4–5 апреля 2014 г. Рассмотрены актуальные проблемы отечественного источниковедения, историографии и методологии исторической науки, а также принципиальные вопросы южнороссийской истории XVI–XX вв.

Сборник адресован историкам, культурологам, политологам, философам и широкому кругу читательской аудитории.

ISBN 978-5-9906245-0-4

УДК: 930.1 (091)

ББК 63.1

© Южный федеральный университет, составление, оформление, 2014

© Авторы статей, 2014

© Издательство «Фонд науки и образования», 2014

Военная повседневность женщин казачьего Запорожья как объект исследования в украинской историографии XIX в. – конца XX в.

Интерес к изучению структур военной повседневности женщин¹ казачьего Запорожья в украинском научном дискурсе впервые проявился в начале XIX века в работах фольклористов, этнографов и региональных историков-краеведов Николая Цертелева (1819)², Михаила Максимовича (1827) [1], Ивана Срезневского (1833) [2] и Аполлона Скальковского (1838) [3]. Эти исследователи обнаружили тексты украинских исторических песен, казачьих дум и воспоминаний, в которых сценарии военной активности женщин были «вмонтированы» как неотъемлемая часть повседневной жизни украинского (казачьего) социума XVI–XVIII вв. Спецификой работ названных авторов стало осознание того, что жизненное пространство подавляющего большинства женщин Украины XVI–XVIII вв. было тесно связано с войском и повседневной жизнью запорожского казачества. Однако, в условиях господства в российском имперском общественном сознании домостроевских взглядов на женщину и ее положение в обществе [4] эта особенность украинского фольклора принята во внимание не была. К середине XIX в. чиновник по особым поручениям при Новороссийском генерал-губернаторе М.С. Воронцове Аполлон Скальковский, опираясь на выявленные в архивах Новороссийской губернии материалы актовой документации и официальной переписки³

¹ Под военной повседневностью (где повседневность рассматривается автором как обычный и привычный ход жизни и наипервейшей реальностью на почве которого возникают все остальные составляющие человеческой жизнедеятельности) автор понимает весь комплекс повседневно-бытовых реалий людей (в данном контексте женщин) в которых ведущую (нормирующую и формирующую) роль играет «военный фактор». См.: Кривошей О. П. Дискурс тилової повсякденності ординарних жінок України першої половини XVII ст. у науковій спадщині Ореста Левицького // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. К., 2012. Вип. 24. С. 64. К военной повседневности (макроструктура высшего уровня) автор относит две взаимозависимые макро-истории (макроструктуры) низшего уровня – *фронтную повседневность* – сами войны (где война рассматривается автором как социально-политическое явление, представляющее собой крайнюю форму разрешения социально – политических, экономических, идеологических, а также национальных, религиозных, территориальных и др. противоречий между государствами, народами, нациями, классами и социальными группами средствами военного насилия), революции и разного рода вооруженные локальные конфликты, а также *тыловую повседневность* - реалии, которые эти войны, революции и вооруженные локальные конфликты сопровождают - расквартирования войск, реквизиции, военные заготовки, военно-санитарная деятельность, военное положение, обеспечение повседневных потребностей жизнедеятельности как отдельных воинов, так и военных подразделений в целом, и так далее. Указанные выше макро-структуры – истории фронтной и тыловой повседневности, в свою очередь, тоже состоят из «микро-историй», структур низшего уровня – природа, ландшафт, вооружение, питание, военное снаряжение, жилье, фортификационные и оборонительные сооружения, условия ратного и мирного (тылового) труда, отдых, быт, культурный досуг, транспортные средства, медицинская помощь, социальная адаптация, восприятие событий сквозь призму сознания отдельной социальной группы или индивидуума, народная песня, танец и т.д. См.: Кривошей О. П. Гендерні виклики фронтної повсякденності козацького Запорожжя у науковому доробку українських істориків (1946–1991 рр.) // Українознавчий альманах. К., 2013. Вип. 11. С. 140–141.

² В ряд текстов этого сборника введена женская составляющая, как неотъемлемая часть повседневной жизни украинского (казачьего) социума XVI–XVII вв. В опубликованных Н. Цертелевым исторических песнях прославлялась не красота и покорность украинских женщин, а их мужество, сила воли и воинственность. См.: Цертелев (Цертели). Н. Опыт собирания старинных малорусских песен. СПб., 1819.

³ Американская исследовательница Х. Смит (H. Smitt) обоснованно считает, что если историк будет искать материалы о женщинах таким же способом как и о мужчинах, он, вероятно, мало что найдет. Если женское существование было отделено, то и поиск материалов увенчается успехом лишь тогда, когда кто-то заинтересован в сохранении женских документов, или информации об активности женщин См.: Smitt H. *Feminism and the Methodology of Women's History: Theoretical and Critical Essays* / Ed. B. A. Carroll. Chicago, 1976. P. 372.

Запорожского Коша [5, с. 99], а также на труды российских историков Г. Юнкера, Г. Миллера, А. Ригельмана и Н.Г. Леклерка, высказал предположение, что казаки-запорожцы, по своей природе были женоненавистниками, а их взаимоотношения со слабым полом сводились к пренебрежительному отношению казаков к женщинам и «безбрачному» статусу казаков-сичевиков [6]. Исключив женскую составляющую из быта и повседневной жизни запорожцев, Аполлон Скальковский окончательно превратил запорожское казачество в монашеский рыцарский орден, главной социальной функцией которого была защита рубежей христианского православного мира. Близкими к «официальному» взгляду на положение женщины в запорожском казацком социуме были и работы Пантелеймона Кулиша [7] и Даниила Мордовцева [8]. Интерес к нему эти исследователи сводили к казацкому братству («запорожцы создали себе семью без женщин») [7, с. 65] и провозглашенному П. Кулишем тезису «Не ступай бабо ногою у січовий Кіш, лучче в домовину» [9, с. 417]. Таким образом А. Скальковский, П. Кулиш, Д. Мордовцев и поддержавший их в конце XIX в. Дмитрий Яворницкий [10, с. 264–267] разработали концепцию, согласно которой фигура женщины в пределах Вольностей Войска Запорожского Низового рассматривалась казачеством как нежелательная, а то и неполноценная.

Возникновение национальных традиций историописания и создание украинских научных школ в исторической науке во второй половине XIX в. способствовали активизации процессов научного поиска и расширению источниковой базы историко-феминистических исследований. Изучение отличительных черт ментальности украинского народа, благодаря обращению к архивным, мемуарным и фольклорным источникам, стало определяющими чертами научных трудов историков Николая Костомарова, Владимира Антоновича, Иосифа Ролле и Ореста Левицкого [11, с. 272]. Усилиями этих исследователей в украинском историческом нарративе был основан историко-феминистический дискурс, который выстраивал парадигму «видения» женской истории, пользуясь сугубо национальными культурными ценностями. Названные историки были убеждены, что жизненное пространство женщин на татарско-украинском пограничье было тесно связано с повседневными военными практиками казаков-запорожцев и запорожским казацким войском. Трудом этих историков военная повседневность женщин казацкого Запорожья была выделена из общего массива казацко-шляхетских традиций и, короткими сюжетами, вписана в историю казацкого Запорожья и Украины в целом. Однако, все попытки Н. Костомарова, И. Ролле, О. Левицкого представить женщин казацкого Запорожья полноценными участницами исторического процесса, в силу ряда причин, остались практически неотрафлексированными современниками.

В советское время традиция осмысления истории военной повседневности женщин казацкого Запорожья была продолжена в работах Н. Мирзы-Авакянц, И. Лоського, Ю. Липы, Н. Полонской-Василенко, Е. Апанович, Е. Компан и др.

Исследования 1920-х – начала 1930-х гг. в области истории женщин Украины раннего Нового времени отражали существенные изменения в структуре исторической науки на новом этапе ее развития. Свидетельством тому стали феминноориентированные научные разработки Натальи Мирзы-Авакянц, в которых наряду с медленной рецепцией новой марксистской терминологии, прослеживалось мощное идейно-концептуальное тяготение к основанной Н. Костомаровым, В. Антоновичем, И. Ролле, О. Левицким традиции осмысления истории женщин казацкого Запорожья. В начале 1919 г. центр внимания исследовательницы попадает имущество украинской казацкой старшины конца XVI в. [12, с. 17–60]. На основе его характеристики Н. Мирза-Авакянц доказала, казацкая элита в целом и запорожская в частности, в своем большинстве, не чуралась брачно-семейных отношений, а это свидетельствует о том, что поведенческие стереотипы подавляющего большинства старшинских, полковничьих и гетманских жен, дочерей, сестер, матерей, подруг и любовниц формировались вокруг привычных им предметов и вещей, в число которых обязательно входило оружие (набор холодного и огнестрельного), а также боевое снаряжение.

В начале 1930-х гг. украинский исторический нарратив пополнился еще несколькими, на наш взгляд, ключевыми для исследований по истории женщин казацкого Запорожья работами. Появились публикации Евгения Маланюка (1931 г.), Натальи Полонской-Василенко (1932 г.), Игоря Лоського (1935 г.) и Юрия Липы (1938 г.).

Несмотря на то, что названные исследователи представляли разные научные центры и школы – советско-украинский Киев и польско-украинский Львов, а их работы отличались характером, форматом и целью, между ними существовала тесная связь. Это позволяет рассматривать научно-творческое наследие этих ученых в едином научно-исследовательском поле, характерной чертой которого было присутствие разнообразных сценариев женской повседневности в культурном пространстве Украины раннего Нового времени. В публикации Н. Полонской-Василенко по социально-экономической истории казацкого Запорожья речь шла об имуществе запорожской казацкой старшины, среди которого наряду с мужскими вещами, исследовательница выявила значительное количество женских вещей – верхняя одежда, обувь, головные уборы и украшения [13, с. 43–206]. Это имущество принадлежало женам, дочерям, сестрам и матерям запорожских старшин. Но украинское самосознание подавляющего большинства представителей тогдашней исторической науки не решилось войти в открытое противоречие с «общесоветским» самосознанием,

упорно поддерживающим мифологему о «безбрачном» статусе запорожского казачества. Выводы львовского историка Игоря Лоського, по поводу активного участия женщин Украины в повседневных военно-административных практиках украинского казацкого войска в очередной раз подтвердили активную роль жен, сестер и матерей казацких старшин в обеспечении повседневных потребностей жизнедеятельности как отдельных воинов-казаков, так и казацких формирований в целом. Со слов И. Лоського, женская составляющая руководящей казацкой верхушки пополнялась представительницами всех сословий тогдашнего украинского социума. Наряду с казачками и крестьянками, казацкими женами становились мещанки и даже шляхтянки, «вплоть до княжен включительно...» [14, с. 6]. Таким образом, в формировании социального облика украинского казачества и его сословных признаков принимали участие не только мужчины (воины), но и женщины. На активном участии женщин Украины в войнах, революциях и вооруженных локальных конфликтах XVI–XVII вв. настаивал и Юрий Липа. Он подчеркивал, что «украинка, идущая в поход – это символ исторического факта участия женщин Украины в войнах...» [15, с. 2]. Евгений Маланюк считал, что традиция маскулинного травмирования украинской женщины, несмотря на все перипетии украинской истории, активно продолжалась в XX в. [16, с. 2]. Причиной появления этого явления в украинских землях, по мнению исследователя, стали условия жизни женщин в экстремальных условиях пограничья и длительное влияние военного фактора на быт, психологию и повседневную жизнь украинок.

Во второй половине 1960-х гг. критическое осмысление большого массива письменных и устных исторических источников позволило киевскому историку Елене Апанович приступить к гендерной ревизии истории запорожского казачества [17, с. 29–38]. В 1965 г. в трех номерах журнала «Наука і життя», свет увидела ее феминноориентованная статья «Маруся Богуславка – историческая фигура?» [18, с. 11–13, 28–31, 14–15]. В этой публикации Елена Апанович впервые в центр исследовательского внимания поставила невольничий аспект темы «женщина и запорожское казачество».

Дискурс фронтовой повседневности ординарных женщин казацкого Запорожья, а невольничьи дела (пленение женщин, поиски женщинами невольников, пребывание женщин в плену) мы относим к фронтовой повседневности, в научном наследии Е. Апанович не ограничивается упомянутым выше исследованием. В марте 1969 г. в газете «Літературна Україна» была напечатана статья украинских историков Елены Апанович и Елены Компан, «Современницы девушки из легенды» [19, с. 2, 4]. В канву истории Украины исследовательницы включили рассказ о фронтовой повседневности ординарных женщин, которые вместе с казаками-запорожцами и донскими казаками принимали участие в захвате и героической обороне

крепости Азов (1637–1642 гг.), т.е. в знаменитом Азовском сидении. Исследовательницы подчеркивали, что в рядах защитников крепости сражались как мужчины (запорожские и донские казаки), так и женщины – украинки и донские казачки [6, с. 4]. Становится очевидным, что рассмотрение феминориентированных публикаций украинских историков с позиции присутствия в культурном пространстве Запорожья опытов участия женщин в войнах и вооруженных локальных конфликтах запорожского казачества открывает целую неисследованную «планету» под названием «История женщин козацкого Запорожья»⁴ в ее теоретическом разнообразии и социокультурных практиках. Понятно, что предложенное название в определенной степени условно и является удобной маркировкой, которая позволяет разграничивать явления. Однако введение этого понятия позволяет «видеть» в культурном пространстве козацкого Запорожья женское присутствие и вычленять сценарии участия женщин в повседневных практиках запорожского козацкого социума. Изучение женской повседневности козацкого Запорожья как способа исторической интерпретации человеческой субъективности во всех многообразных ее проявлениях может стать в украинской и западных историографиях одним из реальных вариантов перехода от событийно-политизированной истории структур к антропологизированной, гендерно-чувствительной социальной истории запорожского и украинского казачества.

Источники и литература

1. Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем. М., 1827.
2. Срезневский И. И. Запорожская старина. Ч. 1. Харьков, 1833; Ч. 2. Харьков, 1838.
3. Скальковский А. А. Устное повествование бывшего запорожца, жителя Екатеринославской губернии и уезда, села Михайловского, Никиты Леонтьевича Коржа // Журнал Министерства народного просвещения. – 1838. – Кн. VI. - С. 487-513; 1839. – Кн. II. - 171-202.
4. Иконников В. С. Русская женщина накануне реформы Петра Великого и после нее. Сравнительно-исторический очерк. К., 1874. С. 29–31.
5. Мільчев В. Внесок А. Скальковського у дослідження соціальної історії запорозького козацтва XVIII ст. // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. К., 2011. Вип. 23. С. 98–104.
6. Скальковский А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожскаго. Извлечена из собственного запорожского архива. Одесса, 1841.

⁴ Термин «История женщин козацкого Запорожья» используется нами для характеристики направления исторического знания, объектом исследования которого выступают женщины в истории Запорожья – историко-географической области на юге Украины, их правовое положение, функциональные роли, место в общественной жизни и создании национально-культурного пространства. См.: Кривоший О. П. Фронтоність жінок козацького Запорожжя у візії О. М. Апанович // Культурологічний вісник. Науково-теоретичний щорічник Нижньої Наддніпряни. Запоріжжя, 2013. Вип. 31. С. 37.

7. Записки о Южной Руси. Изд. П. Кулиш. Т. 1. СПб., 1856; Т. 2. СПб., 1857.
8. Мордовцев Д. Л. Гайдамащина: историческая монография в двух частях. СПб., 1870.
9. Кулиш П. Твори. В 2-х т. Т. 2. К., 1989.
10. Кривошей А. П. Дискурс тыловой повседневности женщин козацкого Запорожья в научном наследии украинского историка Дмитрия Яворницкого // «Женщины и мужчины в контексте исторических перемен»: Мат-лы Пятой международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Тверь, 4–7 октября 2012 г.), М., 2012. Т. 1. С. 264–267.
11. Кривошей А. П. От исторической феминологии к истории женской повседневности военной эпохи (На примере украинской историографии XIX - начала XX века) // «Российская гендерная история с Юга на Запад»: прошлое определяет настоящее: Мат-лы Шестой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН (3–6 октября 2013 года, г. Нальчик / Отв. ред. Н. Л. Пушкарева, М. А. Текуева. Нальчик, 2013. Т. 2. С. 271–274.
12. Мірза-Авакянц Н. З побуту української старшини кінця XVII віку // Записки Українського наукового товариства дослідників старовини й мистецтва на Полтавщині. Полтава, 1919. Вип. 1. С. 17–60.
13. Полонська-Василенко Н. Майно запорізької старшини як джерело для соціально-економічного дослідження історії Запоріжжя // Нариси з соціально-економічної історії України. К., 1932. Т. 1. С. 43–206.
14. Лоський І. Українська жінка в козацьку добу // Жінка (Львів). 1935. Серпень. Ч. 15–16. С. 6–9.
15. Липа Ю. Українська жінка // Жінка (Львів). 1938. Квітень. Ч. 7–8. С. 2–4.
16. Маланюк Є. Жіноча мужність // Нова хата. 1931. Ч. 12. С. 2–4.
17. Кривоший О. П. Фронтова повсякденність жінок козацького Запорожжя у візії О. М. Апанович // Культурологічний вісник: науково-теоретичний щорічник Нижньої Наддніпрянщини. Запоріжжя, 2013. Вип. 31. С. 29–38.
18. Апанович О. Маруся Богуславка – історична постать? // Наука і життя. 1965. №3. С. 11–13; №4. С. 28–31; №6. С. 14–15.
19. Апанович О., Компан О. Сучасниці дівчини з легенди // Літературна Україна. 1969. 7 березня.